

Н.Е.
САЛТЫКОВ-ШЕДРИН
—
СКАЗКИ

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин

Здравомысленный заяц

* * *

Хоть и обыкновенный это был заяц, а преумный. И так здраво рассуждал, что и ослу впору. Притаится под кустом, чтоб не видать его было, и сам с собой разговаривает.

– Всякому, говорит, зверю свое житье предоставлено. Волку – волчье, льву – львиное, зайцу – заячье. Доволен ты или недоволен своим житьем, никто тебя не спрашивает: живи, только и всего. Нашего брата, зайца, например, все едят – кажется, имели бы мы основание на сие претендовать? Однако, ежели рассудить здраво, то едва ли подобная претензия могла бы назваться правильною. Во-первых, кто ест, тот знает, зачем и почему ест; а во-вторых, если бы мы и правильно претендовали, от этого нас есть не перестанут. Сверх препорции все равно не будут есть, а сколько надо – непременно съедят. Статистические таблицы, при министерстве внутренних дел издаваемые...

На этом заяц обыкновенно засыпал, потому что статистика имела свойство приводить его в беспамятство. Но выпится и опять примется здраво рассуждать.

– Едят нас, едят, а мы, зайцы, что год, то больше плодимся. Стало быть, и нам пальца в рот не клади. И летом, и зимой, посмотри на поляну – то и дело, что зайцы вдоль и поперек сигают. Заберемся мы в капустники или в овсы, или около молодых яблонь пристроимся, – пожалуй, и от нашего брата солоно мужичку придется. Да, и за нами, за зайцами, глаз да глаз нужен. Недаром статистические таблицы, при министерстве внутренних дел издаваемые...

Новый сон, новые пробуждения, новые здравые мысли. Без конца заяц умную свою канитель разводил; и так прикинет, и этак смекнет – и все у него хорошо выходило. И что всего дороже – ни карьеры он при этом в виду не имел, ни перед начальством оригинальностью взглядов блеснуть не рассчитывал (он знал, что начальство, не выслушавши его, съест), а просто-напросто сам для себя любил солидно, по-заячьи, обо всем рассудить. Дескать,

Неправо о вещах те думают, Шувалов,

Которые стекло чтут ниже минералов...

Вот, мол, у нас как!

Сидел он однажды таким манером под кустиком, да и вздумал перед зайчихой своей здравыми мыслями щегольнуть. Встал на задние ножки, ушки на макушку взбодрил, передними лапками штуки-фигуры выделявает, а языком, слово за словом, точно горох, так и сыплет.

– Нет, говорит, мы, зайцы, даже очень хорошо прожить можем. Мы и свадьбы справляем, и

хороводы водим, и пиво в престольные праздники варим. Расставим верст на десять сторожей да и горланам. А волк услышит да и прибежит: «Кто песни пел?..» Ну, тут, натурально, кто куда поспел! Успел улепетнуть – в другом месте пиво вари; не успел – съест тебя волк, как пить даст! И ничего ты с этим не поделаешь. Зайчиха! правду ли я говорю?

– Коли не врешь, так правду говоришь, – ответила зайчиха, которая уже за десятым мужем за этим зайцем была, и все прежние девятéro у нее на глазах напрасною смертью погибли.

– Подлый народ эти волки – это правду надо сказать. Все у них только разбой на уме! – продолжал заяц. – Сколько раз я и говорил, и в газетах писал: «Господа волки! вместо того, чтоб зайца сразу резать, вы бы только шкурку с него содрали – он бы, спустя время, другую вам предоставил! Заяц, хошь он и плодущ, однако, ежели сегодня целый косяк вырезать, да завтра другой косяк – глядь, ан на базаре-то, вместо двугривенного, заяц уж в полтину вскочил! А кабы вы чередом пришли: „Господа, мол, зайцы! не угодно ли на сегодняшнюю волчью трапезу столько-то десятков штук предоставить?“ – „С удовольствием, господа волки! Эй, староста! гони очередных!“ И шло бы у нас все по закону, как следует. И волки, и зайцы – все бы в надежде были. И мы бы, и вы бы, и с одной стороны, и с другой стороны... ах, господа, господа!»

Говорил-говорил заяц и чуть было совсем не зарпортовался, как вдруг услышал, что неподалёчку, в траве, что-то шуршит. Смотрит, ан зайчиха-то его давно стречка дала, а лиса-кляузница легла на брюхо да и ползет на него, словно поиграть с зайчихой собралась.

– Вон ты какой, заяц, умный! – первая заговорила лиса, – так ты сладко растабарываешь, что век бы я тебя слушала, и все бы слушать хотелось!

Умен был заяц, а спервоначалу и он обомлел. Стоит на задних лапках, как вкопанный, не то в сторону глазами косит, куда бы стречка дать, не то обдумывает: «Вот оно, когда пришлось с здоровой точки зрения на свое положение взглянуть...»

– Голодна, тетенька? – спросил он, стараясь как можно меньше робеть.

– И! что ты! господь с тобой! да я пресытехонька! разве потом что будет, а теперь – и боже меня сохрани! Здравствуй, зайчиха, будь здоров!

Села лиса по-собачьему и зайчиху присесть пригласила; и он ножки под себя поджал. Поджал, сердечный, и все сам с собой рассуждает: «Как, мол, я ожидал, так, по-моему, и вышло. Всякому зверю свое житье: льву – львиное, лисе – лисье, зайцу – заячье. Ну-тка, вывози теперь, заячье житье!»

А лисица точно читает в его сокровенных мыслях, сидит да, знай, зайчиху похваливает.

– И откуда ты к нам, такой философ, пожаловал?

– Недавно я, тетенька, из-за тридевять земель, как угорелый, сюда прикатил. Жил я в своем месте, можно сказать, даже очень хорошо. И семейство у меня было, и обзаведеньице, и все такое. Целую зиму мы у помещика на скотном дворе в омете припеваючи прожили: днем спим, а ночью кленков да яблонек погрызем. Уж дело к весне шло, в лес бы собираться на дачу пора, ан к нам в омет волк пожаловал. «Какие такие звери? по какому виду? с чьего разрешения?..» Я-то, признаться, убежал, а зайчиха с зайчихами...

– Слышала я об этом. Волк-то мне кумом приходится, так сказывал. «Намеднись, говорит, я целое заячье гнездо разорил, а заяц убежал, так как бы нам, кума, его разыскать?» Ан ты вот он – он. Смотри, жену-то, чай, жалко было?

– Уж и не помню. Вижу, что надо бежать, – и побежал. Прибежал, смотрю – зайчиха-вдова

сидит: «Давай, мол, вместе жить!» И стали жить. Жили мы с ней, нельзя похаять, исправно, а теперь вот она убежала, а я остался.

– Ах ты, горюн, горюн! Ну, дай срок, мы ее изыдем!

Лисица зевнула, легонько куснула зайца за ляжку (он, однако, сделал вид, что не заметил), повалилась на бок, откинула голову и зажмурилась.

– Ишь ведь солнце-то жарит, – лениво пробормотала она, – словно дело делает! Сём, я вздремну, а ты тем временем сядь поближе да покалякай.

Так и сделали. Лиса задремала, а заяц с таким расчетом сел, чтоб лисе его во всякое время мордой достать было можно, и начал сказки рассказывать.

– Я, тетенька, не привередлив, – говорил он, – я всячески жить согласен. И трех лет еще нет, как я на свете живу, а уж чуть не половину России обегал. Только что в одном месте оснуёшься – глядь, либо волк, либо сова, либо охотнички с облавой на тебя собрались. Беги сломя голову, устраивайся по-новому за тридевять земель. Но я на это не ропщу, потому понимаю, что такова есть заячья жизнь. А ежели иной раз и не понимаю, то и не понимаючи все-таки бегу. Все одно как мужики в наших местах. Он спать собрался, а под окном у него – тук-тук! «Ступай, дядя Михей, с подводой!» На дворе метель, стыть, лошаденка у него чуть дышит, а он навалит на подводу солдат да и прет двадцать верст около саней пешком. Через сутки, гляди, опять домой вернулся, ребятам пряника привез, жене – платок на голову, всем вообще – слезы. Спроси его: «Что сие означает?» – он тебе ответит: «Означает сие мужицкую жизнь». Так-то и мы, зайцы. Жить – живем, а рук на себя не накладываем. Всегда мы готовы... Так ли я, тетенька, говорю?

Лиса, вместо ответа, тихо лайнула, точно во сне; заяц искоса взглянул на нее: «Не спит ли, мол, тетенька?» Не было ли у него при этом на уме, в случае чего, стречка дать? – Наверное сказать не могу, но очень возможно, что и такого рода политика в программу заячьей жизни входит. Однако хотя лиса не только глаза зажмурила, но легла на спину и даже ноги, подлая, распялила, но заяц чутьем догадался, что она это комедии перед ним разыгрывает.

– Расскажу я тебе, – продолжал он, – как у меня дядя у одного солдата в услужении жил. Поймал его солдат еще махонького и всему солдатскому обиходу выучил. Из ружья ли выпалить, артикул ли выкинуть, смазшировать ли, в барабан ли зорю отбить – на все дядя за первый сорт был. Ездят, бывало, вдвоем по базарам, представленья показывают, а им – кто яйцо, кто копеечку, кто хлеба кусок, Христа ради, подаст. Так вот этот самый солдат житие свое дяде рассказывал. – «Жил я, говорит, в дому у родителей, и послал меня однажды батюшка сани на зиму изладить. Излаживаю я, песенки попеваю, трубочку покуриваю – вдруг десятский на двор: „Ступай, Семен, в волостную, тебя в солдаты требуют“. Я, в чем был, в том и ушел; хорошо, что трубку-то в штаны спрятать успел. Ушел, да двадцать лет после того и пропонттировал. А через двадцать лет воротился в свое место – ни кола, ни двора, чисто!...» – Так вот оно, – прибавил рассудительно заяц, – мужичья-то жизнь как оборачивается! Сейчас он – мужик, а сейчас – солдат, и то и другое житьем называется. Так-то вот и с нами, зайцами...

– Неужто ж и вас в солдаты отдают? – спросила лиса, точно сейчас проснулась.

– Нет, нас едят, – ответил заяц как можно веселее.

– И я тоже думаю, потому что какие же вы солдаты! хуже старинной гарнизы, которую славный генерал Бибикив «негодницей» звал. И дядю-то твоего, поди, солдат под конец съел?

– Нет, солдат-то умер, а дядя в ту пору бежал. Пришел домой, а заячьей работы работать не

может – отвык. И тетка задаром кормить его не согласна. Вот он однажды и надумал: «Пойду в село на базар, буду комедии представлять». Да только что зачал «кавалерийскую рысь» на барабане отхватывать – его собаки и разорвали!

– И поделом: зачем публику беспокоил. Впрочем, ведь дядя-то твой, чай, и заранее знал, что когда-нибудь да съедят его. Не собаки, так волк, не волк, так лисица. Резолюция-то вам все одна. Ну, а покуда что, скажи мне: лисицы-то каковы в вашей стороне? Лихи, чай?

– В нашей стороне лисицы, нужно правду сказать, даже очень лихи. Я-то ни с одной близко не встречался, а видел, как однажды лисицу, у меня на глазах, охотничек заполевал. И, признаться...

Заяц хотел сказать: «обрадовался», но спохватился и обробел; однако лиса отгадала его мысль.

– Вот ведь ты кровопивец какой! – укорила она его и так больно укусила ему бок, что из раны полилась кровь.

– Ах! – взвизгнул заяц от боли, но в одну минуту сдержал себя и молодецки поправился, – это я, ваше высокое степенство, о тамошних лисах говорю, а здешние лисицы, сказывают, добрые.

– Ой ли?

– Верно говорю. В прошлом году у нас в лесу зайчик-сирота остался, так одна лисица его с своими детьми, слышь, воспитала.

– Вырастила, значит, и выпустила? Где же он теперь, сиротка-то ваш?

– Кто его знает, где он теперь... Пропал будто. Поворовывать, говорят, начал, скружился, а наконец, и лисицу молоденькую соблазнил. За это будто бы его старуха-лисица и съела.

– Я его съела, я – та самая лисица и есть, о которой ты слышал. Только не за то я его съела, что он скружился и в разврат впал, а за то, что пора его приспела.

Лисица на минуту задумалась и щелкнула зубами, поймав блоху. Потом, не торопясь, встала, встряхнулась и совершенно добродушно спросила зайца:

– А теперь, как ты полагаешь, кого я есть буду?

Умен был заяц, а не угадал. Или, лучше сказать, у него тогда же в уме мелькнуло: «Вот оно, заячье-то житье... начинается!» – но ему смерть не хотелось даже самому себе признаться в этом.

– Не знаю, – ответил он.

Однако и по лицу, и по голосу его так было явно, что он лжет, что лиса не на шутку рассердилась.

– Вот ты какой лгун! – сказала она. – Мне про тебя и невесть чего наговорили: и философ-то ты, и сердцеведец-то, а выходит, что ты самый обыкновенный, плохой зайчонко! Тебя буду есть! тебя, сударь, тебя!

Лиса отпрянула назад и сделала вид, что вот-вот сейчас бросится на зайца и съест. Но вслед за тем она села и, как ни в чем не бывало, начала задней ногой за ухом чесать.

– А может быть, ты и помилуешь? – вполголоса сделал робкое предположение заяц.

– Час от часу не легче! – еще пуще рассердилась лиса, – где ты это слышал, чтобы лисицы миловали, а зайцы помилование получали? Разве для того мы с тобой, фофан ты этакой, под одним небом живем, чтобы в помилovanja играть... а?

– Ну, тетенька, примеры-то эти бывали! – настаивал заяц, все еще хорохорясь. Но тут же, впрочем, упал духом и затосковал.

Вспомнилось ему, как он из конца в конец бегал, словно мужик-раскольщик, «вышнего града взыскаю»; как он по целым суткам в дупле, не евши, дрожал; как однажды, от лихого зверя спасаясь, он в подполицу к мужику расказакался, да благо в ту пору великий пост был, мужик-от его и выпустил. Вспомнил про своих зайчих-любешек, как он вместе с ними зайчат зоблил, и как ни с одной порядком даже надышаться не успел. И, вспоминая, то и дело втихомолку твердил:

– Ах, кабы пожить! Ах, кабы хоть чуточку еще пожить!

А лиса, тем временем, и взаправду приятный сюрприз зайцу приготовила.

– Слушай, подлый зайчишко, – сказала она, – я ведь думала, что ты в самом деле философ, а тебя между тем, вишь, как от одной мысли о смерти коробит. Так вот я какую для тебя вольготу придумала. Отойду я на четыре сажени вперед, сяду к тебе задом и не буду на тебя, на гаденка этакого, целых пять минут смотреть. А ты в это время старайся мимо меня так пробежать, чтобы я тебя не поймала. Успеешь улизнуть – твоя взяла; не успеешь – сейчас тебе резолюция готова.

– Ах, тетенька, где уже мне!

– Глупый! ежели и не улизнешь, так все-таки время проведешь. Делом займешься, потрафлять будешь – ан тоски-то и убавится. Все равно, как солдат на войне: потрафляет да потрафляет – смотришь, ан и пропал!

Заяц подумал-подумал и должен был согласиться, что лиса хорошо придумала. Между делом быть съеденным все-таки вольготнее, нежели в томительно-праздном ожидании. Настоящая-то заячья смерть именно такова и есть, чтобы на всем скаку: бежишь во весь опор, ан тут тебе и капут.

«Ничего ты не понимаешь, что с тобой делается, а тебя вдруг пополам разорвали! – соображал заяц и машинально прибавил, – а может быть...»

– Ну, эти фантазии-то ты оставь! – предупредила его лиса, угадав неясную надежду, мелькнувшую у него в голове. – Ты лучше уж без фантазий... раз, два, три! господи благослови, начинай!

Сказавши это, лиса отошла на четыре сажени вперед, предварительно посадивши зайца задом к частому-частому кустарнику, чтобы никак он не мог назад убежать, а бежал бы не иначе, как мимо нее.

Села лисица и занялась своим делом, словно и не видит зайца. Но заяц нимало не сомневался, что если б она и еще на четыре сажени вперед отошла, то и тогда ни одно самомалейшее его движение не ускользнуло бы от нее. Несколько раз он вскакивал на ноги и уши на спину складывал; несколько раз он весь собирался в комок, намереваясь сделать какой-то диковинный скачок, благодаря которому он сразу очутился бы вне преследования; но уверенность, что лиса, и не видя, все видит, приводила его в оцепенение. Тем не менее лиса все-таки была, по-своему, права: у зайца, действительно, нашлось заячье дело, которое в значительной мере агонию его смягчило.

Наконец урочные пять минут истекли, застав зайца неподвижным на прежнем месте и всецело погруженным в созерцание своего заячьего дела.

– Ну, теперь давай, заяц, играть! – предложила лисица.

Начали они играть. С четверть часа лисица прыгала вокруг зайца: то укусит его и совсем уж сберется горло перервать, то прыгнет в сторону и задумается: «Не простить ли, мол?» Но даже и это было для зайца своего рода дело, потому что ежели он и не оборонялся взаправду, то все-таки лапками закрывался, верезжал...

Но через четверть часа все было кончено. Вместо зайца остались только клочки шкуры да здравомысленные его слова: «Всякому зверю свое житье: льву – львиное, лисе – лисье, зайцу – заячье».